

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

О.Н. Борох

к.э.н, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (Москва)

КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРИОД КАМПАНИЙ КРИТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х ГГ.

Аннотация. Во второй половине 1950-х гг. в Китае развернулись споры о недостатках созданной по советскому образцу системы экономического образования. Часть профессиональных экономистов подвергла критике постулаты марксистской политэкономии и призывала к использованию полезных компонентов западной экономической науки. Они считали советскую версию марксизма непригодной для решения практических задач, указывали на низкий уровень и отсутствие теоретических достижений экономической науки в СССР, призывали власти ослабить идеально-воспитательное давление на экономическое сообщество. Защитников этой точки зрения объявили в Китае помышлявшими о реставрации капитализма «правыми элементами», были подвергнуты критике китайские трактовки мальтизианства и теории процента. Сторонники марксизма упрекали советскую модель образования в догматизме и отрыве от китайской реальности, её влиянием объяснялось одностороннее внимание преподавателей к истории зарубежной экономической мысли при недостаточном интересе к актуальным вопросам развития КНР. На первый план вышли рекомендации наполнить преподавание китайскими материалами, переосмыслить шаблон советского учебника политэкономии, укрепить партийный классовый характер обучения, уделить больше внимания разоблачению «реакционных» экономических теорий. Итогом споров 1957–1958 гг. стал курс на сближение экономической теории с практикой, популяризацию марксистской политэкономии, соединение в образовательном процессе воспитания политического мировоззрения с передачей профессиональных знаний. Основным направлением стала китаизация советской системы экономического образования без её полного отвержения. В результате интенсификация идеологической критики в сфере экономической науки наряду с активным продвижением политэкономии в народные массы привели к существенному упрощению трактовки теоретических проблем.

Ключевые слова: советская политическая экономия, марксизм, западная экономическая наука, движение «ста цветов», кампания против «правых элементов», Чэн Чжэнъхань, популяризация экономических знаний.

JEL: B2, B24, A2

УДК: 330.85

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_128_144

© О.Н. Борох, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Борох О.Н. Китайское экономическое образование в период кампаний критики второй половины 1950-х гг. // Вопросы теоретической экономики. 2026. №1. С. 128–144. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_128_144.

FOR CITATION: Borokh O. Chinese Economic Education During the Criticism Campaigns of the Second Half of the 1950s // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 1. Pp. 128–144. DOI: 10.52342/2587-666VTE_2026_1_128_144.

Введение

Стартовавшая в начале 1950-х гг. реформа экономического образования в КНР завершилась к середине десятилетия. Марксистская теория заняла главенствующее положение, была налажена подготовка преподавателей политэкономии. В качестве составной части набора обязательных марксистских «политических дисциплин» советская политэкономия пришла во все китайские вузы.

На ранних стадиях освоения и распространения марксистской политэкономии в КНР китайские экономисты не пытались открыто ставить под сомнение советский опыт. В первой половине 1950-х гг. приоритетной задачей были выявление и осмысление национальной специфики, её соединение с формулировками советской политэкономии [Борох, 2025].

В 1956 г. китайское руководство санкционировало критическую переоценку модели построения социализма в СССР. После этого развернулись широкомасштабные споры о недостатках образовательных программ, созданных по советскому образцу.

Переосмысление советского опыта обрело две основные формы. На короткий срок право слова получила старая профессура, сохранившая негативное отношение к замене преподавания западной экономической науки марксистской политической экономией. Учёные поставили под сомнение обоснованность теоретических постулатов советской политэкономии, выразив недовольство упрощением экономического знания и сковывающим влиянием партийной идеологии.

Сторонники официальных взглядов критиковали советскую модель за догматизм и предлагали больше учитывать китайскую реальность в преподавании экономических дисциплин. Призывы к позитивному пересмотру отношения к буржуазной экономической науке для китайских марксистов были неприемлемы, не говоря уже о попытках оппозиционных интеллектуалов поставить под сомнение руководящую роль КПК.

Некоторые критические суждения о советской политэкономии, представленные во второй половине 1950-х гг., отчасти повторяли доводы, звучавшие в начале десятилетия. Однако ситуация принципиально изменилась. Китай уже располагал сформированной под влиянием советской модели собственной системой экономического образования. Главной темой стал выбор направления её реформирования. С опорой на китайские материалы в статье исследуется история обсуждения этой проблемы во второй половине 1950-х гг.

Разоблачение «правых» экономистов

Китайская интелигенция получила возможность высказаться по широкому кругу вопросов развития страны в 1957 г. во время движения «ста цветов». Выступления против недостатков советской модели переросли в критику политики КПК. Власти быстро свернули кампанию и нанесли удар по несогласным — их объявили «правыми элементами».

Отражением настроений представителей экономического сообщества с западным образованием стало письмо «Наши некоторые мнения относительно современной работы в экономической науке». Весной 1957 г. его составил вместе с единомышленниками профессор экономического факультета Пекинского университета Чэн Чжэнъхань [Chen Zhenhan et al., 1957]. Он получил докторскую степень в Гарвардском университете, поддержавшие его коллеги с факультета также обладали степенями престижных зарубежных университетов: Ло Чжижу учился в Гарварде, Сюй Юйнань — в Кембридже.

Центральной темой «Мнений» было место западной экономической теории в условиях социализма. Авторы предложили сначала тщательно изучить буржуазную экономическую науку, после чего рассмотреть вопрос о возможности использования некоторых западных «полезных концепций и методов анализа», например мультипликатора Кейнса, теории предельных величин и методов статистики. Они также указали на отрыв

экономической науки КНР от практики, на засилье советских шаблонов, отсутствие эффективного взаимодействия между органами государственной власти и профессиональными «буржуазными» экономистами [Борох, 2011].

«Мнения» отмечали, что партийные экономические работники не общаются с беспартийными экономистами и не используют их творческий потенциал. Изучавшим в прошлом буржуазную экономическую науку беспартийным экономистам приходится много заниматься своим перевоспитанием. Основное бремя преподавательской, научной и административной нагрузки вынужденно ложится на немногочисленных экономистов, состоящих в КПК. Тем временем вузы и исследовательские организации блокируют беспартийным экономистам доступ к статистическим материалам. Ограничения на преподавание и исследование политической экономии вытесняют беспартийных учёных в сферу изучения экономической истории. Однако ряды китайских экономистов слишком малы на фоне стоящих перед Китаем огромных задач, тогда как подготовка нового поколения учёных требует длительного времени. Было заявлено, что «настало время для устранения границ между новым и старым, для укрепления сплочённости работников экономической науки вне партии и внутри неё» [Chen Zhenhan et al., 1957. Р. 132].

С началом движения против «правых» эти воззрения стали мишенью для критики как воплощение замысла «реставрации» буржуазной экономической науки в Китае. Осуждение «Мнений» представителями профессионального экономического сообщества было продиктовано не только политической целесообразностью, но и ясным теоретическим пониманием невозможности совместить нормативную марксистскую политэкономию с кейнсианством и предельным анализом. После разоблачения «правых» в КНР возобладало настороженное отношение к сторонникам использования немарксистских экономических учений.

Чэнь Чжэньханя и его единомышленников осуждали не только за пропаганду западных экономических концепций. Другая линия критики была связана с рассуждениями «правых» о невозможности использовать труды классиков марксизма-ленинизма для анализа китайской экономики. Слова Чэнь Чжэньханя, что марксистско-ленинская политэкономия — по сути, набор цитат, не обладающих научной ценностью и не способных стать основой для планов экономического развития, были названы «клеветой на марксистско-ленинскую политическую экономию» [Song Tao, 1958. Р. 351]. Сторонники официальной идеологии не считали отсутствие в марксизме конкретных проектов социально-экономического развития существенным недостатком. Им было достаточно того, что это учение объясняет суть явлений, законы развития экономики и общества.

Чэнь Чжэньханю приписывали замысел «позволить буржуазным экономистам участвовать в принятии решений и руководстве экономическим строительством в Китае, чтобы коренным образом изменить направление социалистического экономического строительства и возродить в Китае капитализм» [Song Tao, 1958. Рр. 359–360]. Интерес к кейнсианству трактовался как стремление превратить его в руководящую экономическую идеологию Китая и направить страну на путь реставрации капитализма.

«Три теории» Чэнь Чжэньханя и общественные науки в СССР

Преподаватель экономического факультета Пекинского университета Чжан Южэнь подверг критике «три реакционные теории», с которыми Чэнь Чжэньхань в феврале 1956 г. выступил на обсуждении в профсоюзном комитете факультета¹.

¹ Это заседание собрали в ответ на призыв партии за 12 лет приблизиться к передовому уровню мировой науки. Мероприятие прошло за несколько месяцев до выступления Мао Цзэдуна о необходимости переосмысления советского опыта и более чем за год до движения «ста цветов». Это свидетельствует о внимании Чэнь Чжэньханя к поставленным вопросам ещё до поворота в политике властей.

«Теория бесполезности общественных наук» осуждала марксистские общественные науки за догматизм и одновременно «вызывала духи умерших» реакционных буржуазных учений. Чжан Южэн утверждал, что Чэн Чжэньхань якобы не считал политэкономию способной принести пользу развитию страны и полагал, что буржуазные общественные науки содержат полезные идеи. А поскольку китайские власти не придавали значения буржуазным обществоведам, тем стало «негде применить оружие» [Zhang Youren, 1958. Pp. 369–370].

Единомышленник Чэн Чжэньханя Сюй Юйнань относился к нормативной политэкономии скептически и заявлял, что она занимается лишь игрой понятий и превратилась в «священное писание», а преподаватели политэкономии — в читающих каноны монахов. Появился тезис о всеобщей «разочарованности» китайских экономистов: Ло Чжижу сетовал, что состоящая из пропаганды и работы жизнь стала однообразной [Zhang Youren, 1958. P. 370].

Опровержение «теории бесполезности общественных наук» служило обоснованию важности марксистско-ленинской экономической теории для социалистического строительства. В русле разоблачения стремления Чэн Чжэньханя к «реставрации» буржуазной науки было заявлено, что экономист нападает на краеугольный камень марксистско-ленинской политэкономии — теорию прибавочной стоимости [Zhang Youren, 1958. P. 375].

В следующей теории — «истощения потенциальных возможностей» Чэн Чжэньхань исходил из того, что после образования КНР практическая, административная и общественная деятельность, участие в движении за перевоспитание привели к усталости интеллигенции. У неё оказались исчерпаны резервы для занятия научно-исследовательской работой, достигнутые за последние годы результаты не соответствуют имеющимся возможностям. Чжан Южэн полагал: чтобы создать условия для научных исследований, Чэн Чжэньхань якобы призвал отказаться от обучения преподавателей марксистско-ленинской теории, остановить кампанию идеологического перевоспитания, свернуть общественную и административную работу [Zhang Youren, 1958. P. 370].

Выдвижение учёным «теории истощения потенциальных возможностей» было истолковано как попытка под предлогом занятости работой самому отказаться от изучения марксизма-ленинизма и идейного перевоспитания. Материалом для критики стала научная биография Чэн Чжэньханя после образования КНР.

Экономист принял участие в проведении земельной реформы, но потом говорил, что жалеет о потраченных силах и времени. После реорганизации высших учебных заведений и факультетов в 1952 г. Чэн Чжэньхань лишь один год преподавал в Пекинском университете экономическую историю Китая Нового времени. Под предлогом занятости научной работой он передал этот курс доценту Сюн Чжэнвэню, с 1953 г. он четыре года ничего не преподавал. За это время одна его статья вышла в академическом журнале «Цзинцзи яньцзю» («Экономические исследования»), тогда как за восемь лет, предшествовавших образованию КНР, Чэн Чжэньхань опубликовал несколько десятков статей, направленных против СССР и коммунизма. Его публикация, подписанная «от редакции» и опубликованная в восстановленном в период «ста цветов» либеральном журнале «Гуаньча» («Наблюдение») была нацелена против СССР. Учёный по совместительству работал в Институте экономики АН Китая. Заместитель директора Института Янь Чжунпин сообщил, что Чэн Чжэньхань не выполнял годовые задания и переносил их, что влияло на выполнение институтского плана. Был сделан вывод, что на деле учёный все это время был занят «антисоциалистической деятельностью», «противодействием изучению теории и социалистическим преобразованиям» [Zhang Youren, 1958. Pp. 383–384].

Наконец, «теория мирового уровня» (дословно — «теория о том, где находится мировой уровень») Чэн Чжэньханя касалась оценки достижений общественных наук. Экономист считал их уровень в СССР очень отсталым. Полистав «Диалектический материализм» Г.Ф. Александрова и «Исторический материализм» Ф.В. Константинова, Чэн

Чжэнъхань заключил, что эти учебники написаны «неважно» и сам он мог бы составить их намного лучше. Его коллега Сюй Юйнань похожим образом утверждал, что «советские статьи действительно не являются выдающимися» и он мог бы написать лучше [Zhang Youren, 1958. P. 370].

Критики отмечали, что Чэнь Чжэнъхань воздержался от прямолинейного заявления о том, что передовой мировой уровень общественных наук достигнут не в СССР, а в капиталистических странах. Он лишь подчеркнул, что в технических и естественных науках передовой уровень очевиден, а в общественных науках он не столь явный. Поставив вопрос о том, может ли СССР служить критерием развитости общественных наук, учёный указал на незначительность советских достижений [Zhao Jing, 1957. Pp. 17–18].

По мнению Чэнь Чжэнъханя, за сорок лет СССР не внёс значительного вклада в экономическую науку. Множество людей вложили немало труда, опубликовали массу книг и статей, однако результаты применения теории для экономического развития были скромными. Причина в том, что вместо учёных-экономистов в СССР воспитали пропагандистов и защитников социализма. Истоки этой оценки оппоненты сводили к пониманию «правыми» социализма и марксизма. Чэнь Чжэнъхань и его единомышленники полагали, что централизованное руководство экономикой при социализме делает проблемы планомерного пропорционального развития и производственных отношений очень простыми. Тем временем при капитализме есть свободная конкуренция, при этом некоторые проблемы сложны и требуют экономического анализа.

Чэнь Чжэнъхань утверждал, что советские экономисты уже сделали всё возможное. На создание «Истории экономических учений» Д.И. Розенберг потратил много труда, его метод заключался в том, чтобы собрать материалы из классических трудов марксизма-ленинизма, поставить важные проблемы и правильно расположить их. При существующих ограничениях экономическое знание могло быть лишь таким. Чэнь Чжэнъхань считал Розенberга «человеком из прошлого». По его мнению, специалист по истории экономики П.И. Лященко также придавал значение глубине знаний и обладал эрудицией, но эти учёные остались в советской науке из старого общества [Zhao Jing, 1957. P. 18]. Советский учебник политэкономии, обретший в середине 1950-х гг. в Китае большое влияние, Чэнь Чжэнъхань назвал теоретически «пустым» в разделе о социализме [He Li, 1958. P. 361].

Критики Чэнь Чжэнъханя с возмущением отреагировали на тезис о том, что экономическая наука в СССР не движется вперед и уступает эпохе «прогнившей империи», вырастившей знающих людей. В заслугу советской экономической науке ставили выявление закономерностей переходного периода к социализму и социалистического общества. Оппоненты напоминали, что А.А. Богданов, И.А. Лапидус и К.В. Островитянов обучили экономической науке широкие массы, в СССР достигнуты большие успехи в упорядочении экономического наследия [Zhao Jing, 1957. P. 19].

Появление «теории мирового уровня» объяснили реакцией Чэнь Чжэнъханя на поставленную КПК задачу выйти на передовой уровень мировой науки. По мнению критиков, отрицание экономистом теоретических успехов общественных наук СССР свидетельствовало о его собственном стремлении к антинаучному мировому уровню буржуазных общественных наук [Zhang Youren, 1958. P. 385].

У Чэнь Чжэнъханя были единомышленники за пределами экономического сообщества. Известный этнограф и антрополог Фэй Сяотун поддержал его взгляды. В июле 1956 г. он посетил Чэнь Чжэнъханя и обсудил с ним «три теории». По мнению Фэй Сяотуна, не следует пассивно относиться к тому, что экономической науке и экономистам в Китае не уделяют необходимого внимания, необходимо бороться за укрепление их положения. Критик пояснил, что под экономической наукой Фэй Сяотун подразумевал буржуазную экономическую науку, а под экономистами — не желающих заниматься перевоспитанием буржуазных экономистов [Zhao Jing, 1958. P. 388].

Споры о социализме и экономическом планировании

Для демонстрации теоретических заблуждений критики вспомнили о дореволюционных публикациях Чэнь Чжэньханя 1947–1948 гг. Так, в статье «О том, что мало и не поровну» [Chen Zhenhan, 1948b] он писал о неприкосновенности частной собственности, полагая, что её уничтожение приведёт к спаду общественного производства. Оппоненты подчеркнули, что публикация появилась в 1947 г., когда со временем Октябрьской революции в России прошло уже три десятилетия [Zhang Youren, 1958. Р. 376].

В статье «Экономическая демократия и политическая демократия» [Chen Zhenhan, 1947] Чэнь Чжэньхань якобы принес в Китай содержащуюся в книге «Общественный строй американской экономики: введение в экономическую науку» («The Social Framework of the American Economy: an Introduction to Economics», 1945) реакционную «теорию неравных прав» «врага социализма» Дж. Хикса, утверждавшего, что неравенство в богатстве является формой неравенства прав. Используя эту теорию, китайский учёный заявил, что после получения прав распоряжения средствами производства революционная власть может действовать самовольно, не уважая свободы выбора народа. Вопрос Чэнь Чжэньханя о том, не заменяет ли социалистическое неравенство в правах капиталистическое неравенство в богатстве, был приравнен к выступлению против социализма [Zhang Youren, 1958. Р. 378].

Свидетельством защиты полуфеодального полуколониального Китая было названо организованное Чэнь Чжэньханем в журнале «Синь лу» («Новый путь») [Chen Zhenhan, 1948a] обсуждение выбора между смешанным строем и плановой системой. Когда Пекин уже был окружён силами НОАК и победа КПК была близка, Чэнь Чжэньхань утверждал, что в Китае нужно иметь одновременно смешанную (монополистический капитализм и частный капитализм) и плановую систему [Zhang Youren, 1958. Р. 379].

Толкование научной биографии экономиста через призму приверженности «реставрации капитализма» привело к созданию упрощённой картины. В республиканский период Чэнь Чжэньхань изучал экономическую историю в Нанькайском университете (г. Тяньцзинь) под руководством известного учёного Фан Сяньтина, написал работу «Кооперация в провинции Чжэцзян», потом защитил в Гарварде диссертацию «Размещение хлопкопрядильной промышленности в Америке: 1880–1910». В годы Войны сопротивления Японии будучи преподавателем Центрального университета в Чунцине он ввёл факультативные курсы экономической политики, на которых рассказывал студентам о плановой экономике при социализме. В 1946 г. Чэнь Чжэньхань стал профессором Пекинского университета, его курс «Сравнение экономических систем» знакомил учащихся с социалистической экономической системой [Wang Shuguang, 2005].

Интерес к социалистической экономике выделял Чэнь Чжэньханя среди прочих «буржуазных» экономистов. Однако опубликованная в 1948 г. статья о промышленном развитии и плановой системе СССР [Chen Zhenhan, 1948c] десятилетие спустя стала одним из поводов для критики в ходе кампании против «правых».

Учёный усомнился в том, что советские успехи в промышленном развитии обусловлены исключительно экономическим планированием. Принимая во внимание назревавшую необходимость выбора пути развития Китая, Чэнь Чжэньхань хотел показать, что планирование не является «чудодейственным средством, с помощью которого любая страна может излечиться от экономических болезней, возродиться после смерти и вернуть себе молодость» [Chen Zhenhan, 1948c. Р. 6]. Он подчёркивал, что достижения СССР обусловлены рядом факторов, включая рациональное размещение промышленности и наличие большого количества подготовленных кадров. Отсталой стране удалось мобилизовать людские и материальные ресурсы, низкий уровень жизни людей дал возможность ограничить потребление. В этих условиях плановой экономике было легко увеличить инвестиции, а отсутствие монополий позволило исходить из интересов общества [Chen Zhenhan, 1948c. Рр. 8–9].

По мнению Чэнь Чжэньханя, планирование не дало бы существенного эффекта в России в конце XIX в., тогда условий для этого не было. Лишь СССР смог использовать технику и опыт других стран. В Китае в обозримом будущем планирование, полагал экономист, не принесёт существенных результатов: техника есть, но нет обширной плодородной земли [Chen Zhenhan, 1948с. Р. 8].

Критики заявили, что подвергавшая сомнению преимущества социалистического экономического строя статья должна была помешать китайскому народу двигаться по советскому пути. Источником особого негодования стал эпиграф из Вольтера: «Заклинания и колдовство, если их использовать с большим количеством мышьяка, действительно могут убить всех овец в стаде» [Chen Zhenhan, 1948с. Р. 5]. Чжан Южэн истолковал его таким образом, что Чэнь Чжэньхань отождествил стимулирующую роль социалистических производственных отношений для развития советских производительных сил с магией и колдовством, приравнял к «мышьяку» строй диктатуры пролетариата в СССР, а советских трудящихся — к баранам [Zhang Youren, 1958. Р. 377].

Цитата из «Философского словаря» французского просветителя была напрочь лишена экономического содержания². Наиболее вероятным источником знакомства с ней китайского экономиста мог стать фрагмент книги Джоан Робинсон о марксистской экономической науке. «Вольтер заметил, что колдовством можно убить стадо овец, если одновременно дать им много мышьяка. Овцы в этом образе вполне могут обозначать самодовольных апологетов капитализма; проницательность Маркса и его жгучая ненависть к угнетению поставляет мышьяк, а трудовая теория стоимости дает заклинания» [Robinson, 1942. Р 27].

Чэнь Чжэньхань воспроизвёл схему рассуждений Робинсон о том, что аргументация Маркса против капитализма не строится на его теории стоимости. Китайский экономист стремился показать, что плановое хозяйство не является волшебным лекарством. Лишь в сочетании с другими условиями советская экономика добилась высоких темпов роста. В отличие от критиковавших его марксистов, он не обсуждал данную проблему в терминах производительных сил и производственных отношений.

Проблемы китаизации экономического образования

Движение «ста цветов» 1957 г. показало, что старая профессура способна к глубокому видению накопившихся проблем, но не в состоянии предложить идеологически приемлемых решений. На повестке дня стояла задача приближения преподавания политэкономии к китайским условиям. Этот вопрос был поставлен ещё в первой половине 1950-х гг. во времена присутствия в китайских вузах советских специалистов. Во второй половине десятилетия появилось пространство для критики заимствованной у СССР «догматической» системы экономического образования. Чтобы приблизить содержание курса политэкономии социализма к практике Китая, требовалось насытить образовательный процесс китайскими материалами вместо советских примеров, переосмыслить систему советского учебника.

Особенностью кампаний критики в Китае той эпохи было делегирование права голоса университетским «назаром». Наряду с преподавателями политэкономии на недостатки системы образования указывали студенты и аспиранты, получившие трибуну для выражения мнений.

² Фраза «Il est vrai que certaines paroles et certaines cérémonies suffisent pour faire périr un troupeau de moutons, pour vu qu'on y ajoute de l'arsenic» присутствует в «Философском словаре» Вольтера в статье «Колдовство» с подзаголовком «Магия, вызывание духов, чары» (Enchantement. Magie, Évocation, Sortilège), где речь шла о суевериях [Voltaire, 1878. Р. 537].

В журнале Народного университета Китая «Цзяосюэ юй яньцзю» («Преподавание и исследования») студент четвёртого курса экономического факультета опубликовал статью «О проблеме уклона в сторону догматизма в преподавании политической экономии» [Hou Shouye, 1958]. Он сообщил, что изучал политэкономию с сентября 1954 г. по июль 1956 г. на первом и втором курсе. Критика недостатков была основана на записях прослушанных лекций.

Первой претензией стало отсутствие чёткого классового подхода при рассмотрении буржуазных экономических учений. Студент указал, что многие преподаватели ограничивались теоретическими знаниями, объяснением понятий и концепций, они знакомили с реакционными теориями, но редко демонстрировали их классовый характер и истоки. Например, они критиковали теорию народонаселения Мальтуса лишь за ненаучность источников (его материалы о росте населения — американские, а о росте потребления — французские, к тому же относятся к разным периодам). Отсутствие рассмотрения классовых корней и реакционных замыслов создавало впечатление, что реакционность учения Мальтуса сводится к ненаучному использованию материалов [Hou Shouye, 1958. Р. 27].

Другая проблема — отрыв теории от китайской ситуации: в части политэкономии капитализма проблемы Китая в лекциях занимали 1%, социализма — 4,7% [Hou Shouye, 1958. Р. 28]. Преподаватели не упоминали о генеральной линии КПК в переходный период. В разделе о товарном производстве и законе стоимости при социализме преподаватели рассказывали о сущности и функциях денег исключительно на советском материале, не касаясь китайских денег жэнъминьби. В разделе о сельском хозяйстве говорили о закупках сельхозпродукции в СССР, не упоминая о китайской политике централизованных закупок и сбыта. В разделе про зарплату рассказывали о том, как в Советском Союзе с помощью снижения цен повышают реальную зарплату, не обращаясь к теме реальной зарплаты в Китае [Hou Shouye, 1958. Р. 28].

На фоне всестороннего изложения ситуации в СССР в лекциях было сказано, что в национальном доходе Китая воплощаются преимущества социализма без конкретного раскрытия этих преимуществ. В результате студенты получали абстрактное представление о национальном доходе. «Когда “правые” в этом вопросе наступают, мы, хотя и знаем, что они неправы, не можем эффективно вести войну с врагом» [Hou Shouye, 1958. Р. 28].

Отмечалось, что преподаватели не понимают настроений учащихся. В то время как среди многих студентов распространены настроения абсолютной уравниловки, преподаватели критикуют лишь представления о равенстве мелкой буржуазии.

Студент указал, что чрезмерная приверженность системе советского учебника политэкономии делает направленность преподавания нечёtkой. В разделе о социализме — 21 глава — из них о Китае лишь одна. Поскольку изложение политэкономии социализма опирается на советский опыт, отрыв от ситуации в Китае становится неизбежным. Преподавание идёт по главам учебника, в лекции редко добавляют новое содержание. При обсуждении социалистической индустриализации говорят лишь об исторических условиях в СССР, методах и источниках привлечения капитала, приводят слова Ленина и Сталина, включая сформулированные Сталиным пять пунктов, обосновывающих необходимость индустриализации в СССР. Был сделан вывод о необходимости приблизить образование к китайской ситуации, чтобы студенты могли в соответствии с указанием партии стать «и красными, и специалистами» [Hou Shouye, 1958. Рр. 28, 33].

Столкновение с оппозиционными настроениями старой интеллигенции подтолкнуло китайское руководство к провозглашению в 1957 г. стратегии сочетания в образовании «красных» политических убеждений и профессиональных знаний. Политические требования находились на первом месте, стремление быть просто специалистом воспринимали как уступку требованиям «правых». В то же время кадры с правильным политическим мировоззрением без профессиональных знаний не соответствовали требованиям времени.

Полное отрицание уже достигнутых в КНР успехов в преподавании политэкономии фактически было тождественно позиции «правых», рассуждавших о тотальном распространении догматизма в изложении теории и начётничества в изучении классики марксизма. Магистральным направлением стали призывы к укреплению связи теории с практикой, повышению внимания к задачам классовой борьбы, к принципу партийности образования.

Был поставлен вопрос о мировоззрении учащихся, воспринимающих овладение марксизмом-ленинизмом как средство обретения личной славы и выгоды. Аспирант по специальности политическая экономия Народного университета Китая Хун Хао сообщил, что в его группе 61% составляют выходцы из эксплуататорских классов. Многие не прошли революционной подготовки, часть вообще не участвовала в практической работе. Некоторые соученики подходят к марксизму-ленинизму с индивидуалистической точки зрения. Одни прямо говорят о том, что хотят из ассистентов стать преподавателями, а потом профессорами. Другие заняты исключительно чтением «Капитала». Они пытаются «ухватиться за теорию» и не участвуют в общественной деятельности, каждый день только «спят, читают книги и едят», пренебрегают реальной борьбой. Также бывает мнение, что у политической экономии слишком большая партийность. У изучающих политическую экономию перспективы небольшие, поэтому лучше учиться китайской медицине или театральному искусству [Hong Hao, 1958. Р. 29].

Эти свидетельства раскрывают сложную внутреннюю атмосферу второй половины 1950-х гг. в ведущем идеологическом вузе Китая. По словам аспиранта, руководитель группы однажды сказал, что мы сейчас главным образом изучаем «Капитал», овладеваем теорией и этого достаточно. Связь с практикой появится, когда приступим к освоению политэкономии социализма. Некоторые преподаватели прямо говорили, что отвечают лишь за образование, по вопросам идейной работы они советовали обращаться в парторганизацию. После таких указаний учащиеся приходили к выводу, что связь теории с практикой необязательна, она притянута искусственно. В группе распространены идеи «браться за теорию» и «браться за материалы», но не за критику и самокритику. Многие обучающиеся подчёркивают научность политической экономии и пренебрегают её «боевым характером». Они рассматривают политэкономию как «чистую науку», говорят исключительно о теории, пренебрегают исправлением идей, поддаются влиянию буржуазной идеологии [Hong Hao, 1958. Р. 30].

Аспирант обвинил преподавателей в том, что они много говорят об абстрактном и мало о практическом, много об иностранном и мало о китайском. За полтора года из 18 занятий 17 были посвящены главам «Капитала» и разъяснению понятий, связь с практикой присутствовала лишь в вопросе о производительных силах и производственных отношениях. При рассмотрении докапиталистических формаций преподаватель рассказал, что представляла собой община-марка в основанных германскими племенами государствах, а также об общинах в Индии, Перу, Алжире, не упомянув о первобытных общинах орочонов в Китае. В разделе о рабовладении говорили только о Греции и Риме, но не о китайском Ляншань-Ийском автономном округе, в лекциях о феодализме главное внимание уделяли феодальному обществу в зарубежных странах. При изложении истории экономических учений хотя и говорили, что экономические идеи Конфуция, Мо-цзы, Лао-цзы, Мэн-цзы очень богаты, но в основном рассказывали о Греции [Hong Hao, 1958. Р. 30]. Преподаватели сообщали, что в китайских классических книгах «Чуньцю», «Лунь юй», «Ицзин», «Шицзин» содержатся многочисленные экономические материалы, но не раскрывали тему [Hong Hao, 1958. Р. 32].

В ходе критики буржуазных экономических взглядов преподаватели больше упоминали западные экономические идеи, появившиеся несколько веков назад, а не те, которые оказали влияние на Китай. При рассмотрении «теории народонаселения» критиковали

только Мальтуса, а не современные китайские мальтузианские взгляды. В лекции о трудовой теории стоимости преподаватели разоблачали «теорию спроса и предложения», «теорию издержек производства», но не замечали «теории полезности» китайских буржуазных экономистов, отрицавших трудовую теорию стоимости. Обсуждая капитал и прибавочную стоимость, преподаватель не касался широко дискутируемой в Китае темы природы процента, но заставлял подробно разбирать фразу 18-й главы первого тома «Капитала» об «известном пункте», до истечения которого рабочий день считается нормальным [Hong Hao, 1958. Рр. 30–31].

Дискуссия о природе процента развернулась в Китае в ходе кампании борьбы против «правых». Экономист и государственный деятель Чжан Найци утверждал, чтофиксированный процент не является эксплуатацией, а представляет собой незаработанный доход. Выступая в июле 1957 г. с самокритикой Чжан Найци опроверг свое «первоначальное неверное утверждение» [Zhang Naiqi, 1957]. Он согласился с Мао Цзэдуном, который в речи «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (27 февраля 1957 г.) указал на двойственный характер китайской буржуазии. С одной стороны, она уже превращается из эксплуататоров в трудающихся, живущих за счёт собственного труда, а с другой — ещё получает от смешанных государственно-частных предприятий твёрдый процент, а это означает, что она ещё не отрешились от своей эксплуататорской сущности [Mao Цзэдун, 1977. С. 485–486].

По мнению аспиранта, внимание к древнему в ущерб современному и к далекому в ущерб близкому обусловлено тем, что преподаватели используют старые материалы. Обсуждая экономические кризисы, преподаватель упомянул лишь Сисмонди с теорией недопотребления, но не затронул теорию безработицы Кейнса, концепции «народного капитализма» и «планового капитализма». У студентов нет возможности самостоятельно анализировать и критиковать буржуазные экономические учения. До «упорядочения стиля» студенты изучали буржуазную теорию зарплаты, но когда «правые» назвали современную политику зарплаты в Китае «феодальной», многие не знали, как приступить к критике их взглядов. У студентов нет реального представления о капиталистических «банковских займах», «биржах», «акциях», «фиктивном капитале», они не понимают борьбы между зоной доллара и зоной британского фунта. Причина — в недостаточном обсуждении современных вопросов: в аудитории рассказывали о теории денег, но не о фунте, долларе или о «ложных деньгах» («вэйби»), с помощью которых гоминьдановцы грабили народ. Когда преподавателя попросили прокомментировать мнение, что китайские деньги жэньминьби являются лишь «символом» и не отражают стоимости общественного труда, он не согласился дать разъяснение [Hong Hao, 1958. Р. 31].

Преподавателей экономических дисциплин Народного университета упрекали за недостаточное внимание к борьбе с ревизионизмом. Они не используют материалы об обнищании современного зарубежного пролетариата для критики утверждений о высоком уровне жизни английских и американских рабочих, при обсуждении империализма не анализируют особенности современного этапа его развития. Автор статьи предлагал больше рассказывать о вкладе Ленина в развитие марксизма и одновременно критиковать взгляды «правых», утверждающих, что марксизм устарел и застыл на уровне 1895 г. [Hong Hao, 1958. Рр. 31–32].

Критика в адрес преподавателей, озабоченных собственным карьерным ростом больше, чем задачей воспитания пропагандистов, стала ответом на выпады «правых» в адрес советской экономической науки. Китай намеревался двигаться вперёд своим путём. Однако в области политэкономии ему, как и СССР, требовались пропагандисты и защитники социализма.

Целостное представление о ситуации с преподаванием экономических дисциплин в Народном университете позволяет составить статья заведующего кафедрой

политэкономии Су Сина [Su Xing, 1958]. По его мнению, донесения студентов и собственные проверки преподавателей показали, что главными недостатками являются догматизм и формализм в содержании и методах преподавания.

Оторванные от практики пустые разговоры о теории ведут к тому, что преподаватели повторяют взятое из книг, ходят кругами вокруг понятий, не затрагивают реальной ситуации. В результате студенты не знают, какие проблемы надо решать. При изложении переходного периода преподаватели обходят стороной политику КПК, при рассмотрении индустриализации не говорят о сформулированных Мао Цзэдуном в 1956 г. «десяти важнейших взаимоотношениях», при рассказе о кооперировании умалчивают о политике централизованных закупок и сбыта [Su Xing, 1958. Р. 40].

В части империализма некоторые преподаватели используют материалы о XIX в., мало анализируют современные вопросы. При критике буржуазных экономических идей в лекциях мы видим «много иностранцев и мало китайцев, много прошлого и мало настоящего, много мёртвых и мало живых» [Su Xing, 1958. Р. 40]. Отсутствие связи с практикой смещает акцент в направлении исторического и иностранного, основное содержание лекций касается докапиталистического периода, о современном капитализме и социализме говорят мало.

Преподаватели не осмеливаются рассуждать о том, о чём не говорили их предшественники. Их сознание не раскрепощено, скопированному зарубежному (т.е. советскому) методу преподавания присущ консерватизм и формализм. Ситуация с проведением обсуждений в аудитории улучшилась только с началом борьбы против «правых». В ходе кампании «упорядочения стиля» обнаружились ошибочные и даже реакционные суждения, ревизионистские идеи. Часть преподавателей пропагандирует реакционную теорию народонаселения Мальтуса. Они говорят, что население Китая надо сократить наполовину, после чего страна станет экспортёром зерна. Некоторые выступают против теории абсолютного обнищания пролетариата и утверждают, что Маркс не писал об этой закономерности. Другие отрицают, что процент является эксплуатацией. Среди преподавателей есть и те, кто считают неправильной идею воспитания «и красных, и специалистов». Взгляды части преподавателей оказались подверженными влиянию «правых» [Su Xing, 1958. Р. 40].

Заведующий кафедрой политэкономии указал на уже проведённые преобразования. Ради укрепления связи теории с практикой в разделе социализма темы были объединены, их число сократилось с 17 до 10, центральное место заняли китайские проблемы. Если прежде справочной литературой служили только труды Маркса, Энгельса и Ленина, то теперь к ним добавили работы Мао Цзэдуна, постановления ЦК КПК, китайские материалы.

С первого семестра 1958 г. при обсуждении буржуазных экономических теорий особое внимание уделяется критике воззрений китайских буржуазных учёных, в основном из числа «правых». Например, при обсуждении предмета политэкономии критикуют письмо Чэнь Чжэнъханя 1957 г. При изложении темы капитала и прибавочной стоимости осуждают теорию «правового элемента» Чжан Найци о том, что процент не является эксплуатацией. В лекциях об экономическом строе социализма критикуют реакционные высказывания «правого» экономиста У ЦзинчАО. Более активной стала борьба с современным ревизионизмом «правых» [Su Xing, 1958. Р. 41].

С точки зрения Су Сина, реформа образования началась недавно, но уже принесла результат. Раньше некоторые полагали, что раздел «Социализм» преподавать сложнее, чем проблемы капитализма, и не хотели читать лекции по политэкономии социализма. Теперь ситуация изменилась, преподаватели считают, что социализм излагать проще, так как он связан с практикой. Один из преподавателей во время самокритики сказал, что, просмотрев старые черновики своих лекций, обнаружил, что они догматичны и большая их часть бесполезна. В области методов обучения были улучшены формы обсуждения, появились возможности посещать практические организации, изменился способ проведения

обследований — студенты четвёртого курса всей группой направляются в деревню, где одновременно и трудятся, и занимаются обследованиями [Su Xing, 1958. Pp. 41–42].

В критических выступлениях студентов, аспирантов и профессуры Народного университета присутствовали сходные идеи. Все они говорили о недостаточном внимании к преподаванию современного и китайского материала, об уклоне в сторону старых и зарубежных концепций, в унисон критиковали ошибочные китайские идеи на примере малтизианства и теории процента. Можно предположить, что авторы следовали общим установкам, отразившим актуальные направления критики «правых».

Популяризация политической экономии

В октябре 1959 г. на фоне празднования десятилетия образования КНР журнал «Цзинцзи яньцю» («Экономические исследования») опубликовал статью, в которой обладатель докторской степени Гарварда декан экономического факультета Пекинского университета Чэнь Дайсунь обобщил опыт преподавания и исследовательской работы. Он отметил, что факультет создал и укрепил позиции в изучении марксистско-ленинских теорий политической экономии, подготовил большое количество соответствующих потребностям страны кадров, провёл ряд научных исследований. Соединению теории с практикой способствовал опыт преподавателей и студентов экономического факультета Пекинского университета, которые отправились читать лекции в сельскую местность и на фабрики. Известный экономист признал, что теоретические исследования слишком сосредоточены на «изучении, разъяснении и спорах о принципах, законах и отношениях» и полностью игнорируют «количественные» исследования, включая «количественный» аспект производительности. Конкретных рекомендаций по исправлению ситуации Чэнь Дайсунь не сделал. Он лишь заметил, что на этот недостаток следует обратить внимание [Chen Daisun, 1959. Pp. 52–53].

Через несколько лет кафедра политической экономии экономического факультета Пекинского университета отчиталась, что с 1960 г. накопила новый опыт. Ключевым звеном стало соединение теории с практикой.

Получившие базовые теоретические знания и навыки научно-исследовательской работы старшекурсники смогли углубиться в практику классовой борьбы на производстве. Кафедра организовала направление студентов пятого курса на работу на заводе в течение пяти месяцев. Важной целью этого было написание популярного пособия по курсу политической экономии. Такая деятельность охватывала теоретическую подготовку, участие в труде и обследованиях, проверку подготовленного материала вместе с рабочими. На этапе теоретической подготовки студенты изучали труды Мао Цзэдуна о социалистической революции, в основных вопросах уясняли разницу между марксизмом-ленинизмом и ревизионизмом. На этапе практики студенты взаимодействовали с заводскими рабочими, читали им лекции и узнавали их мнение о пособии. Студенты уже написали первый вариант девятнадцати глав популярного пособия по политической экономии, их теоретический уровень и навыки возросли, эта работа способствовала идеиному перевоспитанию.

Для преподавания политической экономии на других факультетах, где часов на этот предмет выделено меньше, рекомендовалось выбрать основные темы. В процессе преподавания политэкономии капитализма следовало изучить разделы о капитале и прибавочной стоимости, о накоплении капитала и обнищании рабочего класса, потребовать от студентов рассмотреть эти главы в связи с практикой, чтобы они поняли эксплуататорскую сущность капитализма и таким образом повысить их классовое сознание. В разделе социализма предлагалось рассказать о характере социалистического общества, чтобы студенты поняли: оно является низшим, переходным, этапом к коммунистическому обществу. Был сделан вывод, что преподаватели кафедры политической экономии под руководством

партии на основе тщательного обобщения опыта последовательно повышают качество преподавания [Zhengzhi jingjixue ..., 1961].

Итогом второй половины 1950-х гг. стала широкая популяризация марксистской политэкономии, из университетских аудиторий она пришла в трудовые коллективы и обрела массовое распространение. На новом, более высоком, уровне состоялось возвращение к стандартам дореволюционного идеально-теоретического преподавания КПК 1930–1940-х гг. — материала должно быть меньше, учить его следует лучше, излагать понятнее.

Заключение

В конце 1950-х гг. китайская экономическая наука пыталась избавиться как от советского «догматизма», так и от остаточного влияния «буржуазных» учений. Была поставлена цель — сблизить экономическую теорию с китайским материалом. Попытка отдалиться от советской модели экономического образования намечала поворот к китайской реальности. Однако наращивание идеологической критики в адрес западной экономической науки указывало не столько на преодоление, сколько на усугубление недостатков сталинской версии политэкономии. Последствием этой противоречивой политики в Китае стало упрощение трактовок как буржуазной экономической науки, так и марксистской политической экономии.

Достигнуть значительных результатов не удалось в том числе потому, что многие профессиональные экономисты, хорошо знавшие и понимавшие западные теории, были отлучены от научного творчества. Критика «правых» во главе с Чэнь Чжэньханем стала заметной страницей истории китайской экономической мысли XX в. Представители старой интеллигенции открыто усомнились в ценности советской политэкономии. В ответ оправившиеся на официальную идеологию марксисты указали на неприемлемость их позиции.

Резкая фразеология критики «правых» экономистов в Китае напоминала стиль советских выступлений против экономических «уклонов» на рубеже 1920–1930-х гг. Принципиально важная разница заключалась в степени тяжести наказания. После кампании 1957 г. Чэнь Чжэньханя понизили в должности, запретили писать научные труды и читать лекции, но с экономического факультета Пекинского университета не уволили, поручив заниматься переводами и обработкой материалов на английском языке. Учёный прошёл через трудовое перевоспитание в годы «культурной революции» (1966–1976 гг.), после чего в 1979 г. вернулся к преподаванию в Пекинском университете. В 1980–1990-е гг. он успел написать ряд научных трудов по экономической истории и вырастить талантливых учеников. Похожих научных биографий в истории китайской экономической науки XX в. было немало. Жёсткие слова во время кампаний идеиной критики не означали неминуемого наступления трагических необратимых последствий.

Прибывший в 1957 г. в Пекин собирать материалы для диссертации В.И. Шабалин вспоминал беседу в холодном кабинете ректора Пекинского университета экономиста Ма Иньчу, защитившего диссертацию в Колумбийском университете, вместе с деканом экономического факультета Чэнь Дайсунем и заведующим кафедрой политической экономии Фань Хуном. Светила дореволюционной экономической науки сидели «в помятых ватниках и ватных штанах, не снимая шапок-ушанок. Теоретический уровень и общий кругозор этих далеких от марксизма и замшелых на вид профессоров весьма высок» [Шабалин, 2011. С. 152–153]. Через два десятилетия в конце 1970-х гг. на волне политики реформ и открытости обладавшие знаниями и международным кругозором «буржуазные» экономисты (Чэнь Дайсунь, У Баосань и др.) обрели шанс вернуться в науку.

Преподававшие в Китае в 1950-е гг. советские экономисты донесли до китайских коллег самую новую и передовую по тем временам трактовку политэкономии, основанную на «Экономических проблемах социализма в СССР» И.В. Сталина и учебнике 1954 г. Они

также помогли наметить основные направления противодействия западной экономической науке. Получившие образование в СССР, они с ранних этапов преподавательской карьеры критиковали «буржуазные» учения без прямого контакта с ними. Китайские профессиональные экономисты, имевшие возможность учиться в США и Европе вплоть до конца 1940-х гг., гораздо лучше знали содержание современной экономической науки. Эта асимметричность повлияла на полемику 1957 г., когда приобщившимся к советскому образованию китайским экономистам было трудно находить научные аргументы для опровержения взглядов «правых».

Одним из последствий переосмыслиния советской политэкономии в КНР стал рост внимания к западной экономической науке. Китайские экономисты занялись систематической критикой кейнсианства. В 1957 г. вышли работы Фань Хуна «Критика “Общей теории занятости, процента и денег” Кейнса» и Бяо Жу «Критика теории занятости Кейнса», на китайском языке впервые была издана «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса в полном переводе Сюй Юйнаня. Появление книги стало важным научным событием на фоне предшествовавших споров о применимости кейнсианства в ходе строительства социализма. В 1958 г. в Китае были опубликованы «Цены и производство» Ф. фон Хайека и «Теория монополистической конкуренции» Э. Чемберлина [Sun Daquan, 2020. Р. 15]. В КНР продолжали внимательно следить за новыми экономическими публикациями в СССР и странах Запада, много переводили, старались не замыкаться в себе.

Осуждение «правых» экономистов за полное отрицание ценности советской политэкономии не было призывом вернуться к её восприятию как беспрекословного авторитета в духе первой половины 1950-х гг. Такой подход противоречил линии Мао Цзэдуна на преодоление догматического отношения к опыту СССР. Речь шла о поиске собственного пути развития с учётом уже состоявшегося заимствования советской версии марксизма, поскольку полное безапелляционное её отвержение поставило бы под удар идеино-теоретическую легитимность политики КПК. Призыв Мао Цзэдуна к осмыслению недостатков советской модели не означал согласия властей с её полным отрицанием.

Тяга к продвижению политэкономии в народные массы опустила теоретическую планку китайской экономической науки. Статьи с критикой недостатков системы экономического образования позволяют понять, чему учили китайских студентов и аспирантов в середине 1950-х гг. Привлечение инициативных учащихся к обоснованию китаизации содержания экономического образования порождало упрощённые суждения и способствовало усилению накала идеологической борьбы. Возможность критики «снизу» в адрес профессорско-преподавательского состава была инструментом сплочения вокруг политики КПК. Призывы к увеличению доли китайской тематики в учебных курсах не были беспочвенными. Однако найти баланс между обоснованной критикой и политизированным разоблачением тогда не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

- Борох О.Н. (2011). Обсуждение проблем политической экономии в Китае во время дискуссий 1957 г. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. № 2. С. 88–95.
- Борох О.Н. (2025). Трансформация системы экономического образования в Китае (первая половина 1950-х годов) // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 117–132. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_117_132.
- Мао Цзэдун (1977). К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа / Мао Цзэдун. *Избранные произведения*. Т. V. — Пекин. Изд-во литературы на иностранных языках. С. 461–508.
- Шабалин В.И. (2011). *Завтра будет дуть завтрашний ветер: разговор о времени*. — М.: Форум.
- Chen Daisun (1959). Cong jiaoxue he yanjiu gongzuo tantan jingji kexue de fazhan [Chen Daisun (1959). On the development of economic science from the perspective of teaching and research] // *Jingji yanjiu*. No. 10. Pp. 52–53. (In Chinese).
- Chen Zhenhan (1947). Jingji minzhu yu zhengzhi minzhu [Chen Zhenhan (1947). Economic democracy and political democracy] // *Zhishi yu shenghuo*. No. 4. Pp. 12–14. (In Chinese).

- Chen Zhenhan* (1948a). Hunhe zhidu yu jihua zhidu zhongjian de xuanze [Chen Zhenhan (1948a). The choice between a mixed system and a planned system] // *Xin lu*. Vol. 2. No. 5. Pp. 5–11. (In Chinese).
- Chen Zhenhan* (1948b). Lun gua yu bu jun [Chen Zhenhan (1948b). About what is not enough and not evenly distributed] // *Jingji pinglun*. Vol. 1. No. 3. Pp. 8–11. (In Chinese).
- Chen Zhenhan* (1948c). Sulian de gongye jianshe yu jihua zhidu [Chen Zhenhan (1948c). Industrial construction and planning system in the Soviet Union] // *Xin lu*. Vol. 2. No. 4. Pp. 5–9. (In Chinese).
- Chen Zhenhan, Xu Yunan, Luo Zhiru, Gu Chunfan, Wu Baosan, Ning Jiafeng* (1957). Women du dangqian jingji kexue gongzuo de yixie yijian [Chen Zhenhan, Xu Yunan, Luo Zhiru, Gu Chunfan, Wu Baosan, Ning Jiafeng (1957). Some our opinions concerning contemporary work in economic science] // *Jingji yanjiu*. No. 5. Pp. 123–133. (In Chinese).
- He Li* (1958). Bochi Chen Zhenhan fouding Makesi Lieningzhuyi zhengzhi jingjixue de yinmou [He Li (1958). Refuting the conspiracy of Chen Zhenhan and others to negate Marxist-Leninist political economy] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Kexue chubanshe. Pp. 361–368. (In Chinese).
- Hong Hao* (1958). Zai zhengzhi jingjixue jiaoxue zhong ying qieshi dangxiao yuanze [Hong Hao (1958). The principle of party spirit should be practically implemented in the teaching of political economy] // *Jiaoxue yu yanjiu*. No. 5. Pp. 29–33. (In Chinese).
- Hou Shouye* (1958). Guanyu zhengzhi jingjixue jiaoxue zhong de jiaotiaozhuyi qingxiang wenti [Hou Shouye (1958). On the dogmatic tendencies in the teaching of political economy] // *Jiaoxue yu yanjiu*. No. 5. Pp. 27–28, 33. (In Chinese).
- Robinson J.* (1942). *An Essay on Marxian Economics*. — London: Macmillan and Co.
- Song Tao* (1958). Bochi Chen Zhenhan wumie Makesi Lieningzhuyi zhengzhi jingjixue de miulun [Song Tao (1958). Refuting Chen Zhenhan's fallacy in slandering Marxist-Leninist political economy] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Kexue chubanshe. Pp. 351–360. (In Chinese).
- Su Xing* (1958). Zhengzhi jingjixue jiaoyanshi jiaoxue gongzuo de chubu gaige [Su Xing (1958). Initial reform of teaching in the political economy teaching and research section] // *Jiaoxue yu yanjiu*. No. 6. Pp. 40–42. (In Chinese).
- Sun Daquan* (2020). Xin Zhongguo 70 nian lilun jingjixue yanbian yu fazhan [Sun Daquan (2020). The evolution and development of theoretical economics in 70 years of New China] // *Renwen zazhi*. No. 5. Pp. 13–21. (In Chinese).
- Voltaire* (1878). *Dictionnaire philosophique / Œuvres complètes de Voltaire*. Nouvelle édition. 18. II. — Paris: Garnier frères.
- Wang Shuguang* (2005). Huiwang cangmang suiyue — Chen Zhenhan de rensheng yu xueshu [Wang Shuguang (2005). Remembering the long years — The life and academic work of Chen Zhenhan] // *Chen Zhenhan. Buliji: Chen Zhenhan wenji* [Chen Zhenhan. Collection of steps: Collection of articles by Chen Zhenhan]. — Beijing: Beijing daxue chubanshe. Pp. 402–427. (In Chinese).
- Zhang Naiqi* (1957). Wode jiantao [Zhang Naiqi (1957). My self-criticism] // *Renmin ribao*. 16.07. (In Chinese).
- Zhang Youren* (1958). Bochi Chen Zhenhan de «shehui kexue wuyong lun», «qianli jie jue lun», «guoji shuiping he zai lun» [Zhang Youren (1958). Refuting Chen Zhenhan's «social science is useless», «potential is exhausted», and «where is the world level» theories] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Kexue chubanshe. Pp. 369–386. (In Chinese).
- Zhao Jing* (1957). Bixu renshi he xuexi Sulian jingji kexue de guanghui chengjiu [Zhao Jing (1957). We must recognize and learn from the brilliant achievements of Soviet economic science] // *Xin jianshe*. No. 11. Pp. 17–20. (In Chinese).
- Zhao Jing* (1958). Chen Zhenhan de «san lun» shi youpai fenzi xiang Maliezhuyi jingong de xinhaodan [Zhao Jing (1958). Chen Zhenhan's «Three theories» are a signal flare for the rightists to attack Marxism-Leninism] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Kexue chubanshe. Pp. 387–389. (In Chinese).
- Zhengzhi jingjixue jiaoyanshi nuli tigao jiaoxue zhiliang* (1961) [Political economy section strives to improve teaching quality (1961)] // *Beijing daxue xuebao (renwenke)*. No. 2. P. 18. (In Chinese).

REFERENCES

- Borokh O.N. (2011). Discussion of political economy issues in China in 1957 // *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. № 2. Pp. 88–95. (In Russ.).
- Borokh O.N. (2025). Transformation of the economic education system in China (The first half of the 1950s) // *Issues of Economic Theory (Voprosy teoretičeskoy ekonomiki)*. № 4. Pp. 117–132. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_117_132. (In Russ.).
- Chen Daisun* (1959). Cong jiaoxue he yanjiu gongzuo tantan jingji kexue de fazhan [Chen Daisun (1959). On the development of economic science from the perspective of teaching and research] // *Economic Research Journal*. No. 10. Pp. 52–53. (In Chinese).

- Chen Zhenhan (1947). Jingji minzhu yu zhengzhi minzhu [Chen Zhenhan (1947). Economic democracy and political democracy] // *Knowledge and Life*. No. 4. Pp. 12–14. (In Chinese).
- Chen Zhenhan (1948a). Hunhe zhidu yu jihua zhidu zhongjian de xuanze [Chen Zhenhan (1948a). The choice between a mixed system and a planned system] // *New Way*. Vol. 2. No. 5. Pp. 5–11. (In Chinese).
- Chen Zhenhan (1948b). Lun gua yu bu jun [Chen Zhenhan (1948b). About what is not enough and not evenly distributed] // *Economic Review*. Vol. 1. No. 3. Pp. 8–11. (In Chinese).
- Chen Zhenhan (1948c). Sulian de gongye jianshe yu jihua zhidu [Chen Zhenhan (1948c). Industrial construction and planning system in the Soviet Union] // *New Way*. Vol. 2. No. 4. Pp. 5–9. (In Chinese).
- Chen Zhenhan, Xu Yunan, Luo Zhiru, Gu Chunfan, Wu Baosan, Ning Jiafeng (1957). Women du dangqian jingji kexue gongzuo de yixie yijian [Chen Zhenhan, Xu Yunan, Luo Zhiru, Gu Chunfan, Wu Baosan, Ning Jiafeng (1957). Some our opinions concerning contemporary work in economic science] // *Economic Research Journal*. No. 5. Pp. 123–133. (In Chinese).
- He Li (1958). Bochi Chen Zhenhan fouding Makesi Lieningzhuyi zhengzhi jingjixue de yinmou [He Li (1958). Refuting the conspiracy of Chen Zhenhan and others to negate Marxist-Leninist political economy] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Science Press. Pp. 361–368. (In Chinese).
- Hong Hao (1958). Zai zhengzhi jingjixue jiaoxue zhong ying qieshi guanche dangxing yuanze [Hong Hao (1958). The principle of party spirit should be practically implemented in the teaching of political economy] // *Teaching and Research*. No. 5. Pp. 29–33. (In Chinese).
- Hou Shouye (1958). Guanyu zhengzhi jingjixue jiaoxue zhong de jiaotiaozhuyi qingxiang wenti [Hou Shouye (1958). On the dogmatic tendencies in the teaching of political economy] // *Teaching and Research*. No. 5. Pp. 27–28, 33. (In Chinese).
- Mao Zedong (1977). On the correct handling of contradictions among the people / Mao Zedong. *Selected Works*. Vol. V. — Beijing: Foreign Languages Press. Pp. 461–508. (In Russ.).
- Robinson J. (1942). *An Essay on Marxian Economics*. — London: Macmillan and Co.
- Shabalin V. I. (2011). *Tomorrow will blow tomorrow's wind: Talking about time*. — Moscow: Forum. (In Russ.).
- Song Tao (1958). Bochi Chen Zhenhan wumie Makesi Lieningzhuyi zhengzhi jingjixue de miulun [Song Tao (1958). Refuting Chen Zhenhan's fallacy in slandering Marxist-Leninist political economy] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Science Press. Pp. 351–360. (In Chinese).
- Su Xing (1958). Zhengzhi jingjixue jiaoyanshi jiaoxue gongzuo de chubu gaige [Su Xing (1958). Initial reform of teaching in the political economy teaching and research section] // *Teaching and Research*. No. 6. Pp. 40–42. (In Chinese).
- Sun Daquan (2020). Xin Zhongguo 70 nian lilun jingjixue yanbian yu fazhan [Sun Daquan (2020). The evolution and development of theoretical economics in 70 years of New China] // *The Journal of Humanities*. No. 5. Pp. 13–21. (In Chinese).
- Voltaire (1878). *Dictionnaire philosophique / Œuvres complètes de Voltaire*. Nouvelle édition. 18. II. — Paris: Garnier frères.
- Wang Shuguang (2005). Huiwang cangmang suiyue — Chen Zhenhan de rensheng yu xueshu [Wang Shuguang (2005). Remembering the long years — The life and academic work of Chen Zhenhan] / Chen Zhenhan. *Bulüji: Chen Zhenhan wenji* [Chen Zhenhan. Collection of steps: Collection of articles by Chen Zhenhan]. — Beijing: Peking University Press. Pp. 402–427. (In Chinese).
- Zhang Naiqi (1957). Wode jiantao [Zhang Naiqi (1957). My self-criticism] // *People's Daily*. 16.07. (In Chinese).
- Zhang Youren (1958). Bochi Chen Zhenhan de «shehui kexue wuyong lun», «qianli jie jue lun», «guoji shuiping he zai lun» [Zhang Youren (1958). Refuting Chen Zhenhan's «social science is useless», «potential is exhausted», and «where is the world level» theories] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Kexue chubanshe. Pp. 369–386. (In Chinese).
- Zhao Jing (1957). Bixu renshi he xuexi Sulian jingji kexue de guanghui chengjiu [Zhao Jing (1957). We must recognize and learn from the brilliant achievements of Soviet economic science] // *New Construction*. No. 11. Pp. 17–20. (In Chinese).
- Zhao Jing (1958). Chen Zhenhan de «san lun» shi youpai fenzi xiang Maliezhu yi jingjixue de xinhaodan [Zhao Jing (1958). Chen Zhenhan's «Three theories» are a signal flare for the rightists to attack Marxism-Leninism] // *Fandui zichan jieji shehui kexue fubi (Di er ji)* [Against the restoration of bourgeois social sciences (Part 2)]. — Beijing: Kexue chubanshe. Pp. 387–389. (In Chinese).
- Zhengzhi jingjixue jiaoyanshi nuli tigao jiaoxue zhiliang (1961) [Political economy section strives to improve teaching quality (1961)] // *Journal of Peking University. Philosophy and Social Sciences*. No. 2. P. 18. (In Chinese).

Борох Ольга Николаевна

borokh@hotmail.com

Olga Borokh

PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of sciences (Moscow)

borokh@hotmail.com

CHINESE ECONOMIC EDUCATION DURING THE CRITICISM CAMPAIGNS OF THE SECOND HALF OF THE 1950s

Abstract. In the second half of the 1950s in China were debates about the shortcomings of the economic education system established according to the Soviet model. Some professional economists criticized the postulates of Marxist political economy and called for the use of useful components of Western economics. They considered the Soviet version of Marxism unsuitable for solving China's practical problems, pointed out the low level and absence of theoretical achievements of economic science in the USSR, and called on the authorities to ease the ideological and educational pressure on the economic community. The supporters of this viewpoint were labeled "rightists" dreaming about restoring capitalism in China, and the Chinese interpretations of Malthusianism and the theory of interest were criticized. Marxists blamed the Soviet educational model for dogmatism and disconnection from Chinese reality; its influence served as explanation of teachers' one-sided attention to foreign economic history with insufficient interest in current issues of the development of the PRC. The recommendations to fill the courses with Chinese materials, to rethink the template of the Soviet political economy textbook, to strengthen the class character of the education, and to pay more attention to exposing "reactionary" economic theories came to the fore. The disputes of 1957–1958 enhanced the line of bringing economic theory closer to practice, popularizing Marxist political economy, and combining the political training with professional education. The main direction of changes was the Sinicization of the Soviet system of economic education without completely rejecting it. The intensification of ideological criticism in the field of economic science, along with the active promotion of political economy among the masses, has led to simplification of the interpretation of theoretical issues.

Keywords: *Soviet political economy, Marxism, Western economics, Hundred Flowers Movement, Anti-Rightist Campaign, Chen Zhenhan, popularization of economic knowledge.*

JEL: B2, B24, A2.